

ЧЕРТЫ ПОЭЗИИ КРЫЛОВА.

(Рѣчь г. Ингеницкаго.)

И. А. Крыловъ, по началу своей литературной дѣятельности, принадлежит XVIII столѣтію, а, по зрѣлому и славному ея періоду, писатель настоящаго столѣтія. Онъ современникъ и отчасти дѣятель самаго знаменитаго времени въ нашей литературѣ, времени первоклассныхъ писателей нашихъ. Карамзинъ, Жуковскій, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь—достаточно назвать эти имена, такъ какъ они сами вызываютъ въ памяти каждаго многія другія, чтобы видѣть, съ кѣмъ пришлось Крылову мѣряться силой и славой,—какъ великъ Крыловъ, когда звѣзда его не померкла при такихъ свѣтилахъ. И между тѣмъ, какъ каждаго изъ названныхъ писателей опредѣленно выяснены какъ первоначальное, такъ и послѣдующее направленіе и преемственное значеніе въ литературѣ,—произведенія Крылова гораздо болѣе восприняты и усвоены, чѣмъ поняты; его направленіе и значеніе не поддаются опредѣленію. Ничего въ родѣ сентиментальности, романтизма, байронизма не найдете въ нихъ: Крыловъ стоитъ одиноко въ исторіи нашей литературы, принадлежа сколько Карамзинскому, столько же и Пушкинскому періоду, а всецѣло ни тому, ни другому; и самъ онъ не открылъ особаго періода въ нашей литературѣ. Поэзія Крылова особая струя въ общемъ теченіи нашей литературы, не отдѣльная, но и не сливающаяся съ нимъ, его личное дѣло. Указать предшественниковъ, подготовившихъ и вызвавшихъ Крылова, такъ же трудно, какъ невозможно назвать его преемниковъ. Его поэзія есть эпизодъ въ нашей литературѣ, по такой, который оказался роднымъ всѣмъ слоямъ, всѣмъ возрастамъ нѣсколь-

кихъ поколѣній, безъ сомнѣнія, потому, что заключаетъ въ себѣ черты того великаго созданія, о которомъ мечталъ Гоголь, и которое до сихъ поръ не подѣ силу ни одному нашему гению. По своему эпизодическому характеру, поэзія Крылова сблизилась съ безыскусственною народною поэзіею, которая вся состоитъ изъ эпизодовъ, и, подобно этой послѣдней, представляетъ въ себѣ черты всей русской поэзіи *).

Первая, самая общая черта поэзіи Крылова—*общенародность*. Онъ поэтъ, противъ котораго не были ни одна критика, ни одна школа: стоитъ вспомнить восторженный отзывъ о немъ Бѣлинскаго и то уваженіе, съ которымъ относится къ нему позднѣйшій передовой писатель Писаревъ, пользуясь баснями Крылова, какъ образцами выраженія самыхъ здравыхъ и основательныхъ идей, — Писаревъ, ставшій въ противорѣчіе съ Бѣлинскимъ. А какъ расходились наши критики въ сужденіи о Пушкинѣ, Карамзинѣ, Гоголѣ, тогда какъ Крылову всѣ, изъ противоположныхъ до враждебности лагерей, несли дань уваженія и удивленія. Это значитъ, что общество, тѣмъ болѣе народъ, какъ бы ни возвышались изъ среды ихъ личности, сами себѣ противорѣчить не могутъ. Это значитъ, что поэзія Крылова выше личнаго вкуса, выше теоріи, системы, что для ней судья все общество, и не умирающая сила ея есть сила народа. «Не надобно забывать, говорить Буслаевъ, разсуждая о народномъ эпосѣ и объ отношеніи къ нему личности поэта, что, по самому акту творчества, произведеніе отдѣльнаго поэта эпохи образо-

*) Каждый изъ нихъ (эпизодовъ), говоритъ Буслаевъ, даетъ слушателю полную возможность ориентироваться, опознаться въ тѣхъ подробностяхъ разсказа и въ тѣхъ воззрѣніяхъ, которыя въ эпизодѣ сообщаются, хотя бы подробности эти, какъ краткіе намеки, и состояли въ связи съ другими разсказами, съ другими пѣснями, или сказками, т. е. съ другими эпизодами великаго народнаго эпоса. Никогда не вида предъ собою цѣлаго эпического знанія, (которое и живетъ только въ эпизодахъ) между тѣмъ, всякій, и поющій и слушающій, сообщается съ нимъ на каждомъ отдѣльномъ эпизодѣ: подобно тому, какъ говорящій проникается всею полнотою и силою своего роднаго языка, хотя бы сказалъ только нѣсколько фразъ:—или чтобъ вполнѣ восчувствовать всѣ оттѣнки грамматическаго состава хотя бы самой короткой рѣчи, надобно усвоить себѣ весь внутренній строй языка.

ванной состоитъ вовсе не въ противоположности съ народною поэзіею, но въ нѣкоторомъ ей подчиненіи. Потому-то, чѣмъ геніальнѣе какой-либо поэтъ, тѣмъ онъ народнѣе, тѣмъ согласнѣе со всѣмъ строемъ народнаго эпоса его личное воодушевленіе».

Басни Крылова составляютъ не болѣе трети всѣхъ сочиненій его; и однакожь все забыто, а басни составляютъ славу его. Басня видъ поэзіи не новый и у насъ. Но никто изъ баснописцевъ русскихъ не приобрѣлъ такой извѣстности, какую имѣлъ Крыловъ; и нигдѣ не распространялась такъ широко слава писателя-баснописца. Ясное дѣло, Крыловъ своимъ геніемъ сообщилъ баснѣ такую силу. Итакъ самою формою поэзіи Крыловъ выделяется изъ ряда нашихъ поэтовъ. Еще въ первые годы литературной дѣятельности онъ обнаружилъ склонность къ аллегорическому изложенію; въ зрѣломъ же возрастѣ эта склонность обратилась въ естественный, отличительный характеръ его генія. Прежде у него были Зоры, Маликульмульки, Буристыны и проч., впоследствии, въ баснѣ, являются образы преимущественно изъ животнаго міра, чѣмъ самая поэзія Крылова сближается съ животнымъ народнымъ эпосомъ. Нечего говорить, что у него нѣтъ и быть не могло той цѣлостности въ представленіи животныхъ, наивности, которая принадлежитъ первобытному эпосу; Крыловъ—поэтъ, воспитавшійся на формахъ и видахъ поэзіи періода классическаго, даже ложноклассическаго. По замѣчанію Водовозова, онъ иногда слишкомъ свободно подчинялъ своимъ идеямъ образы народные; тѣмъ не менѣе, все же онъ держится на почвѣ ближайшей къ русскому народному эпосу. Вотъ первая причина его доступности народу, даже неграмотному, а также и дѣтскому возрасту. Писали въ родѣ сказокъ и басенъ и другіе первоклассные наши поэты; но имъ было иное призваніе. Крыловъ, напротивъ, много перемѣнилъ путей, словно созрѣвалъ, пока вышелъ наконецъ на свою дорогу, созналъ свое призваніе—баснописца.

Басня, собственно говоря, не значительная форма поэзіи. У древнихъ она имѣла дидактическій характеръ;

уже у Лафонтена только она является художественнымъ произведеніемъ: подражаніемъ ему началъ и Крыловъ. Впрочемъ, до какой бы степени совершенства ни была доведена басня, по самому существу своему она не можетъ быть поставлена вровень съ другими, главнѣйшими формами поэзіи: совершенно иначе, сравнительно съ повѣстью, романомъ, драмою, выражается жизнь въ баснѣ. Она слишкомъ недостаточна для поэтического воспроизведенія цѣлой фазы жизни, для раскрытія и вообще воплощенія идей поэта. Басня представляетъ изъ жизни только частности, отрывки; въ ней возможны только эскизы. И Крылова басни не даютъ намъ идеаловъ, не даютъ ни одного крупнаго образа. Читайте всѣ его басни и попробуйте сгруппировать тѣ черты, которыя, очевидно, онъ одобрялъ, или осуждалъ и осмѣивалъ; въ итогѣ выйдетъ развѣ сборъ нравственныхъ правилъ подъ формою, случайно взятыхъ самимъ Крыловымъ, именъ, или же типы животнаго царства, которые уже выдвинуты изъ непосредственнаго народнаго созерцанія силою личнаго гения, а въ тоже время еще слишкомъ мелки и ничтожны, чтобъ стать въ ряду типовъ, созданныхъ другими нашими поэтами, типовъ, сдѣлавшихся для всего образованнаго общества именами нарицательными. Басни Крылова не характеризуютъ общества своего времени. Если нѣкоторыя изъ нихъ имѣли современное значеніе, то для насъ, даже для ближайшихъ по времени читателей, оно совершенно затерялось. Лица и событія, давшія поводъ къ написанію той или другой басни, были только поводомъ; а все содержаніе басни, тотчасъ, по появленіи ея, приняло общее значеніе, совершенно независимое, далекое отъ частныхъ лицъ, мѣстъ и времени. Басня «Демьянова Уха» написана послучаю утомительнаго и скучнаго чтенія статей въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова. Что же выигрываетъ эта басня тѣмъ, что напоминаетъ Бесѣду и чтенія, бывшія въ ней? Этотъ случай интересенъ для Бесѣды развѣ, и достоинство басни, ея сила, значеніе нисколько не увеличиваются и не уменьшаются отъ того, извѣстенъ онъ намъ, или нѣтъ. Рав-

нымъ образомъ, современное значеніе имѣли басни, написанныя по поводу войны 12-го года; по война давно уже прошла, а развѣ только историческое значеніе онѣ имѣютъ? Не читаются ли онѣ и теперь съ такимъ же удовольствіемъ, какъ прежде? Каждый читатель знаетъ и укажетъ множество ближайшихъ случаевъ, въ которыхъ та или другая басня могутъ быть приложимы даже до подробностей. Потому-то басни Крылова приобрѣли и приобретаютъ общеизвѣстность, что всѣ болѣе или менѣе находятъ въ нихъ выраженіе жизни не отдаленной, а ближайшей, даже личной: точно Крыловъ подмѣчалъ и рисовалъ разные случаи жизни нашего времени, нашей среды.

Ярко выдаются въ поэзіи Крылова необыкновенная живость и цѣльность частныхъ образовъ. Каждая басня есть цѣлое, законченное произведеніе, выражающее какую либо идею, и въ каждой баснѣ всѣ дѣйствующія лица суть живые образы. Нужды нѣтъ, что такими лицами являются звѣри, птицы, камни и другіе предметы даже неодушевленной природы; они въ баснѣ живыя, оригинальныя лица, являются и дѣйствуютъ съ полнѣйшимъ соотвѣтствіемъ тому движенію, строю и характеру мысли, которые хочетъ ими высказать авторъ. Читая, напримѣръ, басню «Оселъ и Соловей», мы ясно видимъ того и другаго, видимъ уставившагося въ землю лбомъ Осла; кажется, что онъ дѣйствительно слушаетъ и оцѣниваетъ то, что слушаетъ, мы и сами будто слышимъ всю чудную музыку соловьиной пѣсни и никогда не забудемъ отзыва Осла объ этомъ пѣніи:

«Изрядно, говоритъ: сказать не ложно;

Тебя безъ скуки слушать можно;

А жаль, что не знакомъ

Ты съ нашимъ пѣтухомъ».

Спрашивалъ ли кто: какъ это оселъ и соловей—животныя, которыхъ мы не разъ видѣли и знаемъ, могли заговорить между собою человѣческимъ языкомъ, могли вступить въ столь обыкновенный между людьми обмѣнъ искусства и сужденія?..... Для насъ они люди.

Осель и Соловей Крылова напоминаютъ нашихъ друзей, товарищей, близкихъ или далекихъ знакомыхъ, изъ которыхъ одному пришлось являть искусство пѣнія, музыки, поэтическаго созданія въ словѣ, или просто молодой попыткѣ, идеальнаго предположенія, а другой въ отвѣтъ только и могъ указать на какого нибудь доморощеннаго пѣтуха, потому, конечно, что кромѣ пѣтушьяго крика ничего не слышалъ, или, лучше сказать, не умѣлъ слушать. И наоборотъ, подобные случаи жизни напоминаютъ намъ басню Крылова; и тѣмъ яснѣе, тѣмъ раздѣльнѣе представляются намъ лица, съ которыми что-нибудь подобное было, чѣмъ ближе черты Осла и Соловья приложимы къ нимъ, или оправдываются въ нихъ, такъ что въ своей рѣчи мы пользуемся словами басни: человека молодого, даровитаго, художника называемъ соловьемъ, а съ огрубѣвшимъ чувствомъ, застыившаго въ понятіяхъ своего курятника, — осломъ. Такъ органически соединены у Крылова идея съ формою, или образами; это кровь и плоть; каждая басня живой организмъ. Если выдѣлите въ ней идею, то получите сухой, безжизненный остатокъ. Попробуйте выразить мысль указанной, напримѣръ, нами басни: каждый по-своему выразился бы при этомъ, и какъ бы ни выразился, но не сказалъ бы всего, что есть въ баснѣ, а главное — сказалъ бы мысль, а у Крылова картина. Мы затрудняемся иногда передать мысль пословицы. «Выше лба уши не растутъ. Свѣтъ не клиномъ сошелся. Золотой молотокъ и желѣзные ворота прокуетъ. Малъ языкъ, да всеѣмъ тѣломъ владѣетъ». Не будь уже наготовѣ смыслъ пословицы, мы не могли бы такъ легко пользоваться ею. Содержаніе ея дано намъ неизвѣстно когда и кѣмъ, усвоено еще безсознательно, вмѣстѣ со всеѣмъ міромъ роднаго языка, и потому гораздо легче употребить во время и кстати пословицу, чѣмъ объяснить ея происхожденіе и значеніе. Мы взяли басню на удачу, даже съ замѣтно выдающимся недостаткомъ, между тѣмъ другія, если не все, представляютъ тѣже высокія черты художественности. Изъ другихъ баснописцевъ нашихъ только Хемницеръ, и то

въ весьма немногихъ басняхъ, является такимъ художникомъ. Крыловъ таковъ же и въ переводныхъ басняхъ. Жуковский, сказавшій: «переводчикъ въ прозѣ есть рабъ, переводчикъ въ стихахъ—соперникъ»—разбирая только 23 басни Крылова, по изданію 1808 года, нашелъ его переводчикомъ искуснымъ и потому точно заслуживающимъ имя стихотворца оригинальнаго. Даже болѣе: по поводу басни «Лягушки, просящія царя» онъ говорить: «Смѣемъ даже утверждать, что здѣсь подражаніе превосходитъ подлинникъ; а это весьма много, ибо Лафонтенова басня прекрасна; въ стихахъ послѣдняго, кажется, менѣе живописи, и самый разсказъ его не столь забавенъ». Тоже онъ говоритъ, по сравненіи басни «Пустынникъ и Медвѣдь» съ подлинникомъ Лафонтена. Неудивительно поэтому, что спустя 15 лѣтъ, въ Парижѣ собралось общество литераторовъ для перевода басенъ Крылова на Французскій языкъ. Правда «на этомъ турнирѣ поэзіи» не много приобрѣла французская литература, да и значеніе Крылова отъ того для насъ не выше, тѣмъ не менѣе нельзя не видѣть въ этомъ фактѣ высокой цѣны, которую дали нашему поэту иностранцы и притомъ знаменитые своего времени литераторы. Если бы иностранцы могли усвоить Крылова со всѣми особенностями языка, то не переводили бы только его басни, а, подобно намъ Русскимъ, изучали его и въ школѣ и дома. Но это невозможно.

Поэзія Крылова отличается не только живостію образовъ, необыкновенно живою связью ихъ съ идеями, но и богатствомъ ихъ какъ вообще, такъ и близкихъ между собою, служащихъ для выраженія различныхъ оттѣнковъ одной идеи. Крыловъ написалъ 197 басенъ, изъ которыхъ только 30 переводныя. У него много басенъ близкихъ между собою по содержанію или по основной мысли, и однакожь каждая представляетъ новую, особенную сторону мысли, въ каждой дѣйствующія лица своими отношеніями, своею завязкою или развязкою представляютъ особенную черту въ раскрытіи или выполненіи ея. Такъ, на примѣръ, много у него есть басенъ, имѣю-

сихъ своимъ предметомъ трудъ, но какое разнообразіе въ раскрытіи этого предмета! Слѣдующими словами заключаетъ онъ басню «Камень и Червякъ»:

Такъ хвалится иной, что служить сорокъ лѣтъ:

А проку въ немъ, какъ въ этомъ камнѣ, нѣтъ.

Это выраженіе неизмѣнно ровнаго въ долгій періодъ времени, служебнаго труда, которымъ иной хвалится точно этими словами: «тихъ, скромнѣе всегда, лежу смиреннѣе, куда меня ни бросать.»

А вотъ трудъ предпріимчивости и искусства: у какого-то Льва, охотника до куръ, ихъ то крали, то сами куры пропадали; лисица взялась устроить курятный дворъ; ей поручили дѣло: съ успѣхомъ начато и кончено оно; смотрѣли, видѣли—строенье загляденье. И однакожъ въ новомъ дворѣ куръ часть-отъ-часу становилось менѣе. Паукъ вздумалъ выйти изъ обычной колеи: прельстившись барышами купца, взялся за тканье, рѣшился самъ открыть въ окнѣ лавочку; уже Пчела разъяснила ему, почему его вмѣстѣ съ лавкой смели метлой: «что проку въ твоёмъ тканѣ, когда оно не грѣетъ и не одѣваетъ?» Это трудъ изъ корыстолюбія.

Обезьяна, взявшая чурбанъ вмѣсто сохи и ворочавшая его до упаду, представляетъ образецъ труда изъ тщеславія.

Медвѣдь же, напортившій много лѣсу и не согнувшій ни одной дуги, трудился просто изъ подражанія человѣку, отъ избытка силъ. Результаты трудовъ его и Обезьяны совершенно одинаковы; но какая разница не только въ побужденіяхъ, но въ способѣ и самомъ дѣйствіи труда! И какъ много правды въ этихъ изображеніяхъ! Жизнь часто представляетъ опыты труда грубаго и невѣжественнаго, хотя усиленнаго и твердаго, гдѣ чурбанъ принимается за соху, а богатый лѣсъ не производитъ ничего, кромѣ несмѣтнаго числа, съ трескомъ изломанныхъ, вѣтвей.

Въ образѣ Бѣлки видимъ трудъ самъ по себѣ, въ родѣ искусства для искусства.

Я, говоритъ она, по дѣламъ гонцомъ у барина большаго;

Ну, некогда ни пить, ни ѣсть,

Ни даже духу перевести.

Самъ Крыловъ, впрочемъ, видѣлъ въ ней человѣка дѣльца, который хлопочетъ, мечется, изъ кожи рвется, да только все впередъ не подается. Какъ бы ни было, Бѣлка все-таки трудится, хотя не видитъ ни начала, ни конца своему труду. Но вотъ просто призракъ труда: четыре усталыя лошади тащатъ, въ жаръ, по песку, на гору, тяжелый рыдванъ. Случилось тутъ Мухъ быть. Какъ горю не помочь? Послѣ усиленнаго труда съ ея стороны, когда рыдванъ всталился на ровную дорогу, она говорить:

Ну, теперя слава Богу!

Садитесь по мѣстамъ и добрый всѣмъ вамъ путь;

А мнѣ ужъ дайте отдохнуть:

Меня на сиду крылья носить.

Басня «Старикъ и трое молодыхъ» выражаетъ идею труда въ самомъ серьезномъ его значеніи, труда изъ нравственно добраго начала. Старикъ своимъ примѣромъ доказываетъ молодымъ людямъ, что трудиться нужно, да же безъ надежды воспользоваться плодами трудовъ.

Кто добръ, не все лишь для себя трудится.

Изъ этихъ частныхъ изображеній труда можетъ составить довольно обстоятельное раскрытіе идеи о немъ. Но, конечно, никто не станетъ дѣлать подобные своды, по крайней мѣрѣ изъ нихъ ничего цѣлаго не можетъ выйти: все это небольшія картинки, которыя, при большемъ сродствѣ, какъ ни соединяйте, никогда не сольются въ одну картину. Мы сгруппировали нѣсколько басенъ, близкихъ по идеѣ, только для того, чтобы показать, какъ богата фантазія нашего поэта, какъ неистощимъ онъ въ образахъ для выраженія идеи.

Другая, внутренняя сторона въ поэзіи Крылова, — область идей, для которыхъ образы служатъ внѣшнимъ покровомъ, представляетъ такія черты, которыхъ нѣтъ у другихъ поэтовъ. Крыловъ — поэтъ — мыслитель, философъ, но не ученый, тѣмъ болѣе не специалистъ ученый. «Въ этомъ значеніи онъ не былъ академикомъ, говоритъ Шлегель.

певъ, за то онъ былъ едва ли не цѣлою академіей. Въ творческомъ умѣ его возникали, принимали образы гениальныя откровенія, вѣчныя истины, уроки мудрости, завѣты опытовъ. Ихъ приняли миллионы людей.» Какія это истины, безъ сомнѣнія, каждому извѣстно, какъ изъ самыхъ басенъ, такъ и изъ прекраснаго очерка ихъ со стороны философской, сдѣланнаго Плетневымъ и отчасти Гоголемъ. Нелишнимъ нахожу указать предъ вами, Мм. Гг., нѣкоторыя черты идей и вообще ума Крылова. Идеи его *отвлеченны* и въ тоже время *практичны*. Первое видно изъ того, что всѣ онѣ вращаются въ области общихъ истинъ и общихъ понятій: лестъ гнусна; съ разборомъ выбирай друзей; безсильному не смѣйся и слабого обидѣть не моги и т. п. И тѣ басни, на которыя указывалъ Плетневъ въ образецъ идей глубокихъ, тоже представляютъ идеи самыя отвлеченныя. Безбожники, Водолазы, Листы и Корни, Мірская Сходка—что такое въ самомъ дѣлѣ даютъ намъ, какъ не самое общее рѣшеніе вопросовъ, дѣйствительно великихъ и трудныхъ? Какого ученаго, говоримъ о серьезно-ученомъ, можетъ отворатить отъ невѣрія мысль о безбожномъ народѣ, вздумавшемъ заматать стрѣлами Олимпъ и за то побитомъ тучею камней? Гдѣ и какія сословія времени Крылова, или настоящаго, нашли бы новою, еще не извѣстною имъ мысль, лежащую въ основѣ басенъ «Листы и Корни», «Пушки и Паруса»? Тоже «Водолазы» не даютъ близкой, живой мысли ученому, углубившемуся въ свою спеціальность. «Мірская сходка» также содержитъ мысль о значеніи общественныхъ постановленій такую, которая можетъ быть приложима въ безчисленномъ множествѣ случаевъ, но не даетъ рѣшенія на случай частный, особенный. При всемъ томъ идеи Крылова практичны, потому что, во 1-хъ, выражены сжато, ясно, понятно для всѣхъ, и, во 2-хъ, по самой своей общности, такъ какъ могутъ быть взяты на безчисленное множество частныхъ случаевъ жизни. Въ этомъ отношеніи онѣ чрезвычайно сходны съ пословицами, которыхъ употребленіе опредѣлитъ нѣтъ возможности, такъ какъ ими пользуется весь

народъ и всѣ частныя лица въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ. Далѣе, при всей отрывочности высказанныхъ Крыловымъ идей, при всемъ разнообразіи по идеѣ басенъ, если читать ихъ, какъ онѣ появлялись, тѣмъ болѣе, въ какомъ порядкѣ онѣ обыкновенно печатаются, нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ общихъ основаній и чертъ его міровоззрѣнія, его ума. Онъ не увлекался никакою системою, никакимъ научнымъ воззрѣніемъ на жизнь, общество, государство. Онъ врагъ пьянства, лѣни, самохвальства, невѣжества, грубости, въ особенности несправедливости; онъ защитникъ труда, просвѣщенія, ума, искусства, въ особенности же правды. Но и въ отрицаніи, и въ положеніи онъ вездѣ соблюдаетъ мѣру; ни въ чемъ и никогда онъ не допускаетъ крайности. Вездѣ и и во всемъ онъ прямо указываетъ самую суть дѣла, и это безъ усилія и напряженія, а легко и быстро, по природной свѣтлости и чуткости ума. Онъ представитель такъ называемаго *здраваго смысла*. Съ мыслями его нельзя не согласиться: до такой степени онѣ близки и ясны каждому, до такой степени внушительны своей *правдой*. Вчитываясь, вникая въ смыслъ басенъ и потомъ фактовъ жизни, къ которымъ онѣ могутъ относиться,—часто невольно замѣчаешь, что самъ сказалъ бы тоже, что Крыловъ, точно онъ подслушалъ насъ самихъ и высказалъ нашу собственную мысль, да такъ метко и сильно, какъ сами бы не смогли; облеченная въ слова Крылова, она стала родною, *своею* для насъ, для всѣхъ. Умъ Крылова—нашъ умъ, его міровоззрѣніе—наше міровоззрѣніе. Вотъ гдѣ, думается, тайна непримѣрной популярности Крылова! Крыловъ, по своимъ воззрѣніямъ, первый изъ поэтовъ нашихъ поэтъ народный и въ этомъ отношеніи единственный, по крайней мѣрѣ для массы, или большинства русскихъ людей; онъ одинъ не прервалъ внутреннюю, кровную связь съ поэзіею и философіею Русскаго народа. Извѣстно, что у всѣхъ народовъ, такъ и у Русскаго, та и другая въ первое время не раздѣльны. Только онъ не переступилъ предѣлъ общаго развитія народа, ту грань, за которою общее теченіе распадается на множество ру-

кавовъ, за которою слѣдуетъ развитіе сословій, кружковъ, образуются системы, направленія. Онъ стоитъ на рубежѣ поэзіи собственно народной и литературной, изъ которой онъ заимствовалъ форму и приемы. Крыловъ, по происхожденію своему, образованію, состоянію, изъ средняго класса, того класса, который, по всѣмъ условіямъ быта, есть естественное преемственное продолженіе массы народа. Между тѣмъ и другимъ нѣтъ и быть не можетъ никакого противорѣчія, никакого пробѣла. Подобно безыскусственной эпической поэзіи, поэзія Крылова широко захватываетъ міръ: въ ней рѣшаются вопросы вѣры и знанія, общества и политики, добра и зла. Это широта, но не Русскаго только, а каждаго народа въ первоначальномъ періодѣ его развитія. Какъ въ народной, такъ и въ поэзіи Крылова, природа ви́шняя не останавливается на себѣ поэта сама-по-себѣ, а единственно по отношенію къ человѣку, къ жизни его; образы изъ царства животнаго и растительнаго занимаютъ Крылова никакъ не болѣе того, на сколько въ нихъ выражаются черты человѣка и притомъ человѣка вообще. Всѣ дѣйствія, весь ходъ ихъ въ каждой баснѣ имѣютъ прямо житейское значеніе; всегда у него торжествуетъ житейское благо-разуміе; нравственный характеръ въ поэзіи Крылова, какъ и въ безыскусственной поэзіи, неотдѣлимъ отъ эстетическаго. По замѣчанію Буслаева, простой народъ, чтобы похвалить эпическій рассказъ, не употребитъ выраженія, приличнаго художественному произведенію: хорошо, или прекрасно, а скажетъ: «правда!» Точно также, можно сказать, большинство басенъ Крылова вызываетъ именно такое сужденіе, особенно со стороны читателя простаго, незнакомаго съ эстетикою и критикою эстетическою. Есть, правда, между читателями такіе новouchки-грамотники, для которыхъ міръ образовъ Крылова чистѣйшая выдумка, прикраса, даже просто затѣйливая шутка для того, чтобы сказать доброе нравственное правило, чтобы научить такому правилу, или же изображеніемъ злоупотребленій и порока отвратить отъ этихъ послѣднихъ. Такимъ читателямъ, кажется, сказалъ бы Крыловъ:

«По мнѣ ужъ лучше пей,
Да дѣло разумѣй».

Странно, кажется, видѣть въ его басняхъ поученія, тѣмъ не менѣе поучительный тонъ въ нихъ есть. Не подлежитъ сомнѣнію, что Крыловъ философъ моралистъ, но моралистъ въ лучшемъ значеніи этого слова, моралистъ для всѣхъ, безъ исключенія, а не для нѣкоторыхъ только. Многіе выводы въ его басняхъ поставлены именно какъ уроки, какъ правила житейскаго опыта и благоразумія, которымъ, дѣйствительно, кто послѣдуетъ, не ошибется. Всѣ басни его построены такъ, что нравственный элементъ самъ собою проникаетъ весь ихъ составъ, не исключая и тѣхъ, которыя отличаются высокою художественностію и, по-видимому, далекимъ отношеніемъ къ жизни. Много въ этомъ случаѣ значитъ самый родъ поэзіи — басня, даже краткость ея. Въ произведеніяхъ большихъ — романѣ, повѣсти, драмѣ и содержаніе большое: вводится много лицъ, излагаются разнообразныя столкновенія ихъ между собою, подробно раскрываются важнѣйшіе характеры, наконецъ все содержаніе иногда намѣренно проникается взглядомъ, теоріею, такъ называемыми тенденціями. Читатель, чтобы не растеряться въ частностяхъ, хотя бы вошелъ полнымъ вниманіемъ въ поэтическій міръ взятаго сочиненія, довольствуется обыкновенно общимъ обзорѣніемъ всего движенія въ немъ, усвоеніемъ главнѣйшихъ дѣйствій и важнѣйшихъ лицъ, — и этотъ трудъ не каждому читателю подъ силу. Въ басняхъ же сразу выдаются всѣ дѣйствующія лица, каждое по-своему, вступаютъ въ отношенія между собою и высказываются. Они не заслоняются обстановкой, множествомъ частныхъ, и потому въ минуту оцѣниваете ихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Притомъ, лица, дѣйствующія въ баснѣ, обыкновенно сосредоточиваются на одномъ и такомъ дѣйствіи, или случаѣ, который относится къ жизни, почти всегда близкой читателю; всѣ басни представляютъ факты жизни, повторяющіеся ежедневно, независимо отъ различія званія, положенія, образованія, факты *дѣйствительности*, тогда какъ романъ или драма имѣютъ иногда историческія осно-

вы, берутъ содержаніе изъ одного какого-либо кружка, общества, сословія, а главное—удалены отъ фактической стороны жизни, идеализируютъ ее, безъ чего были бы, разумѣется, только копировкою дѣйствительности. Басня обобщаетъ факты жизни, представляетъ самые общіе характеры; вся она держится на общей нравственной основѣ. Законъ нравственный, которому подлежатъ ея факты и характеры, есть законъ обще-человѣчскій, принадлежитъ какъ высшему, такъ и низшему классу,—законъ, предъ которымъ даже черты національности стираются.

Итакъ Крыловъ, какъ баснописецъ, уже моралистъ. Только нравственное начало въ басняхъ его вовсе не преобладающее начало. У Сумарокова, да и Хемницера видно поученіе, или обличеніе. Особенно первый, даже намѣренно выставляетъ въ своихъ басняхъ цѣль поучительную, или обличительную. Правда, иногда и Крыловъ въ началѣ или концѣ басни высказываетъ тоже; но у него это просто нравственныя сентенціи, которыя сами, безъ помощи автора, явились бы въ головѣ внимательнаго читателя. Крыловъ подсказываетъ ихъ читателю, помогаетъ выразить, а читатель беретъ у Крылова выраженія, какъ беретъ изъ общаго матеріала народной поэзіи пословицы, поговорки и т. п. У Крылова на первомъ планѣ содержаніе, а нравственный тонъ проникаетъ все содержаніе. Онъ не учитъ, но, читая его, многіе сами учатся; у него, все достойное обличенія, чего касается басня, обличается само собою; онъ *поэтъ и потомъ моралистъ*. Во многихъ его басняхъ сліяніе художественнаго и нравственнаго начала до такой степени полно и глубоко, что забываешь форму его поэзіи, забываешь, что это басни. Онѣ удовлетворяютъ всѣмъ силамъ духа: вамъ смѣшно и пріятно; перечитываете вновь, впечатлѣніе увеличивается: вы точно видите этотъ маленькій міръ, понимаете мысль каждаго лица въ немъ, вамъ хочется самимъ подумать о томъ же, ваша мысль возбуждена, ваши нравственныя убѣжденія затронуты. Если память ваша воспріимчива, вы усвоите басню до слова; во всякомъ случаѣ, не рѣдко возвращаетесь къ ней такъ же, какъ къ высокохудожественному произведенію.

ственному произведенію Пушкина, Лермонтова. Басня Крылова, подобно этимъ послѣднимъ, не старѣетъ, дѣйствіе ея на душу всегда ново, всегда свѣже: съ удовольствіемъ заучиваютъ ее наизусть дѣти, еще съ большимъ перечитываютъ ее люди зрѣлаго, люди всякаго возраста.

Крыловъ—*поэтъ-сатирикъ*. Свойство это, котораго нельзя не замѣтить при чтеніи едва ли не каждой басни, принадлежитъ его литературнымъ произведеніямъ отъ самыхъ раннихъ и до позднѣйшихъ. Говорятъ, чтеніе Расина, Мольера, Боало возбудило въ немъ и развило сатирическое направленіе; притомъ первые литературные труды Крылова относятся къ послѣдней четверти прошлаго столѣтія, — тому времени, которое преимущественно извѣстно въ нашей литературѣ сатирическимъ направленіемъ, такъ дѣятельно поддерживавшимся самою Императрицею. Конечно, все это вліяло на характеръ поэтической дѣятельности Крылова; тѣмъ не менѣе басни его, написанныя много лѣтъ спустя, и такъ же проникнутыя сатирическимъ направленіемъ, свидѣтельствуютъ, что такой характеръ былъ въ немъ постояннымъ, принадлежитъ его натурѣ. Наконецъ, комизмъ, свойственный Крылову, слишкомъ своеобразенъ и не можетъ быть объясненъ подражаніемъ со стороны Крылова, или только вліяніемъ на него литературы XVIII вѣка. Крыловъ, въ журнальной своей дѣятельности, по словамъ Плетнева, когда писалъ безъ сомнѣнія подъ вліяніемъ господствовавшаго сатирическаго направленія, показалъ въ себѣ геніальнаго сатирика. «Крыловъ, говоритъ этотъ біографъ, этимъ однимъ опытомъ сатирической прозы доказалъ, что, навсегда ограничившись впослѣдствіи баснями, онъ опрометчиво сошелъ съ поприща счастливѣйшихъ правоописателей». Драматическія сочиненія Крылова замѣчательны всего болѣе по сатирическому духу. Впрочемъ, они, какъ и журнальныя статьи его, не представляютъ ни одного цѣльнаго характеристическаго произведенія, и потому забыты. Обратимся къ баснямъ.

Баснѣ, съ древнѣйшихъ временъ, сродно сатирическое направленіе. Цѣлью басни считалось не толь-

ко научить, но и обличить, осмѣять. Еще Федръ въ предисловіи къ своимъ баснямъ говоритъ:

Duplex libelli dos est: quod visum movet
Et quod prudenti vitam consilia monet.

Крыловъ самъ сознавалъ, что его сочиненія—сатира своего рода. На маскарадѣ у в. к. Е. П., нарядившись музой Таліей, онъ произнесъ стихи и между прочимъ сказалъ:

Люблю, гдѣ случай есть, пороки пощипать—
Все лучше-таки ихъ немножко унимать.

Иногда онъ предлагаетъ басню въ подарокъ лицамъ, до которыхъ она касается, которыя, напримѣръ, подобно Мельнику, думаютъ хозяйству подспорить, коль свѣчки сберегутъ огарокъ. То объясняетъ басню былью: выдали Матрену, дочь купеческую, за барина,—

«И сдѣлалась моя Матрена
Ни Пава, ни Ворона.»

Или—и это кажется всего чаще—удерживается отъ объясненія, «чтобъ гусей не раздразнить». Исключеніе представляютъ тѣ басни, которыя, какъ положительно извѣстно, написаны по поводу дѣйствительныхъ событій и лицъ и изображаютъ эти событія и лица въ высшей степени сатирически. Нѣтъ въ басняхъ его положительной характеристики общества; точно также нѣтъ въ нихъ и отрицательной. Крыловъ, какъ сатирическій поэтъ, богатъ общими представленіями, общими картинами, притомъ внутренне не соединенными между собою. Сатира его басенъ не рисуетъ черной стороны своего времени; пороки, караемые ею—эгоизмъ, хвастовство, жадность, угнетеніе слабого—относятся сколько въ первой четверти текущаго столѣтія, столько же вообще къ прошлымъ временамъ и едва ли не столько же ко всякому другому, какъ и русскому обществу. Одну черту болѣе частную, болѣе близкую къ нашей жизни, можно указать въ басняхъ Крылова, именно изображеніе суда или вообще тяжбы. Болѣе десяти басенъ написано объ этомъ предметѣ. Правда, мотивы этихъ басенъ встрѣчаются у баснописцевъ, писавшихъ прежде Крылова; но характеристика лицъ,

самаго процесса тяжбы сильно напоминаютъ наше отжившее судопроизводство, весьма близки съ изображеніемъ этого предмета въ поэзіи народной. Думаю впрочемъ, что поэтическимъ изображеніемъ тяжбы Крыловъ обязанъ не столько личной наблюдательности, или намѣренному воссозданію зла, сколько тому чутью, которымъ онъ раздѣлялъ и понималъ думы и стремленія русскаго человѣка. Можетъ статься, изслѣдованія укажутъ факты, вызвавшіе подобныя басни; тѣмъ не менѣе интересно, что, напри- мѣръ, басня «Шука» имѣетъ чрезвычайно много сходства и въ цѣломъ, и въ частяхъ, съ сказкою, извѣстною подъ именемъ «Списка съ суднаго дѣла.... какъ былъ судъ у Леща съ Ершомъ», столь любимую народомъ. Въ баснѣ говорится, что на Шуку поданъ въ судъ до- носъ, что отъ нея житья въ прудѣ не стало; въ сказкѣ говорится, что жалоба подана на Ерша за тоже самое. Шуку судили два Осла, двѣ Клячи, два иль три Козла, да Лиса, бывшая за прокурора; судьями надъ Ершомъ были—Осетръ, Бѣлуга и Бѣлорыбица,—составъ болѣе соотвѣтствующій лицу подсудимому. Шуку, по совѣту Лисы, судъ приговорилъ къ смертной казни,—утопить въ рѣкѣ; Ерша, послѣ длиннаго процесса, со всѣми формаль- ностями, порѣшили выдать истцу головою, казнить кну- томъ и повѣсить, — такъ присудили. Ершъ плюнулъ судьямъ въ глаза, скочилъ въ хворостъ, только его и ви- дѣли.... А вотъ и пословицы. «Тягался какъ лещъ съ ер- шомъ. Судъ да дѣло—собака съѣла. Неправдою судъ сто- ить. Законъ—дышло: куда хочешь, туда и воротись. Перо въ судѣ что топоръ въ лѣсу» и т. под. Въ другомъ родѣ басни—«Крестьянинъ и Овца», «Волкъ и Овцы». Въ первой Лиса опредѣлила Овцѣ казнь за пропажу двухъ куръ; во второй Совѣтъ Волковъ издалъ законъ, уполномо- чивающій Овецъ, въ случаѣ нападенія со стороны Вол- ка, схватить его и въ судъ тотчасъ представить. Не го- ворю уже, что Лиса съ своею пронырливою хитростію, Волкъ съ грубою наглостію, Овца съ своимъ терпѣніемъ, точно такими являются во многихъ сказкахъ. А вотъ по- словицы: «Худо овцамъ, гдѣ волкъ въ пастухахъ. Тяжба—

петля, судъ—висѣлица. Не судись: лапоть дороже сапога станеть. Не тягайся—удавишься. Тяжбу завель—сталь голъ какъ соколъ. Лошадь съ волкомъ тягалась—хвостъ да грива осталась.»

Подобно тому, какъ въ народной поэзіи, сказкахъ, пословицахъ, какое бы зло ни выражалось, не замѣтите личнаго отношенія къ нему, не встрѣтите личнаго чувства,—и у Крылова тоже не видите ничего подобнаго: вопиющая несправедливость, отвратительная жадность, позорная глупость нисколько не возмущаютъ его, не возбуждаютъ въ душѣ его ужаса, или негодованія. При видѣ зла, всего болѣе онъ расположенъ смѣяться, и всякое зло, представляемое въ его небольшихъ разсказахъ, не всегда прикрытыхъ аллегоріею, свойственною баснѣ, рисуется съ комической стороны. Припомните хоть это заключеніе:

«Вчера я былъ въ судѣ, и видѣлъ тамъ судью»:

Ну, такъ и кажется, что быть ему въ раю.» или басню «Два Мужика». Казалось бы зло высокой степени: одинъ мужикъ сжегъ свой дворъ, другой сдѣлался калѣкою, оба вслѣдствіе пирушки. Однакожь, по всему разсказу видно, что Крыловъ смѣется, да и мужики то говорятъ о своихъ несчастіяхъ, чуть не смѣясь, или такъ легко, какъ будто потеря не выше рубля; Степанъ, третій мужикъ, въ которомъ чувствуется голосъ и самого Крылова, далъ имъ сухое, холодное правоученіе. Таково же дѣйствіе басни и на читателя; и онъ тоже смѣется. Еще сильнѣе подобное дѣйствіе тѣхъ басенъ, въ которыхъ изображается зло меньшей степени, и потому смѣхъ не ослабляется видомъ несчастія или гибели. Извѣстенъ, Мм. Гг., смѣхъ другаго поэта Гоголя; знаемъ мы, чего онъ стоилъ ему самому, какъ отзывался въ читателяхъ. Правда, еслибъ самъ Гоголь не раскрылъ мучительнаго состоянія души, жгучей горечи, съ которыми смѣется онъ надъ зломъ въ жизни русскаго человѣка; то, можетъ быть, многіе только потѣшались бы героями Ревизора, Мертвыхъ Душъ, Женитьбы, до сихъ поръ многіе предавались бы беззаботному смѣху при чтеніи его

произведеній или сценическомъ представленіи ихъ. Впрочемъ, сатирической лиризмъ весьма замѣтно проглядываетъ даже въ драматическихъ произведеніяхъ Гоголя, не говоря уже объ отступленіяхъ въ этомъ родѣ, которыя не рѣдко встрѣчаются въ Мертвыхъ Душахъ. Съ перваго раза Гоголь смѣшить; читатель не въ силахъ удержаться отъ смѣха и потомъ, въ послѣдующіе разы, при видѣ этого комическаго собранія комическихъ лицъ въ уѣздномъ городѣ, по случаю пріѣзда не менѣе комическаго Хлестакова, или при видѣ столкновенія многихъ жениховъ въ домѣ одной невѣсты, побѣга Подколесина изъ окна невѣсты предъ самымъ выѣздомъ къ вѣнцу. Но дайте только стихнуть вашему смѣху, скрывается послѣдней улыбка съ вашего лица; стоитъ осмотрѣться, тѣмъ болѣе вдуматься, что это за лица, дѣйствія, обстановка, вся среда, которыя вамъ дали удовольствіе смѣха,—и вамъ не будетъ весело, будетъ грустно, даже болѣе, вы увидите, почувствуете раны, близкія, живыя, собственные, не потому, что вы житель уѣзднаго города, чиновникъ, человѣкъ холостой, не потому, что знаете между близкими своими Ѳеклу Ивановну, Агафью Тихоновну, Хлестаковыхъ, Бобчинскихъ и проч., а потому, что вы русскій. Таково дѣйствіе комическихъ созданій Гоголя; разумѣется, отъ частаго повторенія и праздної разсѣянности оно не всегда отчетливо и живо. Таково же дѣйствіе «Недоросля», «Горе отъ ума» только въ меньшей степени, такъ какъ жизнь, выраженная въ нихъ, дальше отъ насъ по времени и чрезъ то, естественно, по всѣмъ своимъ условіямъ. Митрофанушки съ своими маменьками и учителями отжили свой вѣкъ; среда, въ которой умничалъ Чацкій, отживаетъ; и потому настало время отнестись къ грязи, уродству, всему злу, которыя представлены Фонъ-Визинымъ и Грибоѣдовымъ, уже спокойно, эпически. Вотъ рассказъ Крылова, въ ряду басенъ его.—Крестьянина обокрали воры: легъ богатымъ, а съ голыю всталъ такою, хоть по міру иди съ сумою. Собрались родные, друзья, сосѣди, кумовья; и что же? Одинъ говоритъ, что не нужно было крестьянину славить по міру, что онъ богатъ; другой совѣтуетъ

клѣтъ ближе къ избѣ ставить, третій—на дворѣ лихихъ держать собакъ, предложилъ даже своего щенка; совѣтовъ тысячу надавано полезныхъ, а дѣломъ ни одинъ бѣдняжкѣ не помогъ. Вѣренъ ли этотъ рассказъ дѣйствительности, современной автору и намъ? Кому не извѣстны многіе и многіе подобные факты? Что можетъ быть пошлѣе такихъ утѣшеній для несчастнаго, отвратительнѣе этихъ щенковъ, которыхъ суютъ въ утѣшеніе и помощь вмѣсто того, чтобъ топить ихъ? Крыловъ, окончивъ рассказъ, разъясняетъ, что въ жизни тоже: во время нужды друзья становятся глухи и нѣмы..... Онъ не возмущился представленнымъ фактомъ, онъ спокоенъ, какъ и во всѣхъ своихъ рассказахъ, гдѣ рисуетъ пороки и зло. Причиною служить, разумѣется, и то, что факты представляются у него слишкомъ общіе; авторъ и читатель не могутъ отнестись къ нимъ, какъ къ явленію конкретному, видѣнному и сколько нибудь прочувствованному. Главною же причиною служатъ свойства натуры и образъ жизни Крылова. Припомнимъ, какъ жилъ онъ въ молодости и въ годы зрѣлаго возраста. Способность схватывать только частныя явленія, отсутствіе живаго личнаго участія въ жизни общества, себялюбивое стремленіе къ личному благу, даже наслажденію, отсутствіе страданія къ страданіямъ общества и народа и склонность находить въ этихъ послѣднихъ комическія стороны, посмѣяться надъ ними,—вотъ чему надо приписать спокойное отношеніе нашего поэта къ предмету гораздо болѣе, чѣмъ тому объективному отношенію, которое свойственно великимъ геніальнымъ поэтамъ. Это послѣднее есть въ Крыловѣ развѣ въ миніатюрѣ. Припомнимъ басню «Котъ и Поваръ». Я затрудняюсь предложить ее въ извлеченіи. Каждый стихъ, каждое выраженіе въ ней—произведеніе геніальнаго сатирика; это картина, рассказъ о которой можетъ развѣ умалить ея достоинство; ее надо видѣть всю, отъ перваго и до послѣдняго слова.

Мнѣ кажется, что такихъ, какъ этотъ и подобные рассказы Крылова, не много представляютъ другіе наши поэты; эта маленькая комедія превосходитъ лучшіе образ-

цы комическихъ разсказовъ Гоголя, тѣмъ болѣе второстепенныхъ нашихъ комиковъ. Читая или слушая какой либо изъ такихъ разсказовъ Крылова, вы смѣтаетесь безъ всякой горечи, тяжелаго воспоминанія, грустнаго намека на лицо или сословіе. Вамъ показано смѣшное явленіе, такъ или иначе встрѣчаемое въ жизни, сложившееся въ глубинѣ поэтическаго духа въ художественное созданіе; частныя черты этого явленія, ставшія элементомъ созданія, вамъ не видны; тѣмъ лучше, вы поднялись въ чистый міръ поэзіи. Зная беззаботный, спокойный характеръ Крылова, слѣдовательно способность отдаться всецѣло текущему впечатлѣнію, съ юношескою свѣжестью посмѣяться надъ тѣмъ, что есть въ жизни смѣшнаго, можно думать, что и онъ самъ, пиша подобные разсказы, не удерживался отъ смѣха; еще охотнѣе смѣемся мы: это тотъ беззаботный смѣхъ, въ которомъ является игра всѣхъ силъ духа, свободное, веселое, ничѣмъ хоть на минуту не омрачаемое отношеніе къ жизни,—смѣхъ, къ которому способенъ русскій человѣкъ, дѣлая предметомъ его и себя и все дорогое въ жизни, непритворно веселясь и потѣшая себя и другихъ, даже тогда, когда не одинъ, быть можетъ, камень тяготитъ душу.

Мм. Гг.! позвольте заключить очеркъ поэзіи Крылова словами Гоголя, которыя онъ сказалъ въ заключеніи своего разсужденія о сущности русской поэзіи и особенно-стяхъ русскихъ поэтовъ, между прочимъ и Крылова: «Все это еще орудія, еще матеріалы, еще глыбы, еще въ рудѣ дорогіе металлы, изъ которыхъ выкуется иная сильная рѣчь». Въ ней, по мысли Гоголя, всѣ до одного узнають нашу русскую Россію, о которой всѣ наконецъ въ одинъ голосъ скажутъ: «Это наша Россія; намъ въ ней пріютно и тепло, и мы теперь дѣйствительно у себя дома, подъ своею родною крышею, а не на чужбинѣ!»

И. Ингеницкій.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Преміи, назначаемыя Академіею Наукъ за ученныя сочиненія, приносили и приносятъ вообще громадную пользу для науки: они вызываютъ новыя силы для разработки разныхъ ученыхъ вопросовъ; сколько одна Демидовская премія принесла добра наукъ! Учредители премій заслуживаютъ полную, глубокую и вѣчную благодарность потомства. Имя Демидова должно блеснуть на страницахъ исторіи нашего отечественнаго просвѣщенія. Теперь, къ сожалѣнію, премія эта прекращена. Въ настоящее время остаются преміи гр. Уварова, Макарія, Архіепископа Харьковскаго, пожертвовавшаго для науки громадный капиталъ отъ своихъ литературныхъ трудовъ, и наконецъ Ломоносовская, недавно учрежденная въ память столѣтняго юбилея Ломоносова.

Живо представляешь, сколько добра и пользы принесутъ и эти преміи. Отрадно, что у насъ въ будущемъ предстоитъ такъ много прекрасныхъ надеждъ на успѣхи развитія и процвѣтанія наукъ. Особенно, что болѣе всего подаетъ въ этомъ отношеніи надежду, это то, что Академія Наукъ, какъ компетентный и строгій судья въ дѣлѣ литературныхъ трудовъ, и какъ распорядительница этими преміями, не только имѣла въ виду строго отличать и награждать тѣ самостоятельные труды, которые вносятъ въ науку новый свѣтъ, въ настоящее время стала сама вызывать на подобные ученые труды, задавать темы для разработки и изслѣдованія вопросовъ по разнымъ отраслямъ наукъ, въ разъясненіи которыхъ особенно нуждается наука.

Въ прошломъ году явилась уже возможность назначить первую Ломоносовскую премію въ 1000 р.

Изъ «Отчета» о присужденіи этой первой Ломоносовской преміи, читаннаго въ торжественномъ засѣданіи Академіи Наукъ 29 Декабря 1867 г., видно, что это

первое присужденіе пало на замѣчательный трудъ Горскаго и Невоструева: «*Описаніе Славянскихъ рукописей Московской бывшей Патріаршей, нынѣ Синодальной библіотеки.*» Трудъ этотъ справедливо увѣнчанъ премією, какъ памятникъ, заключающій въ себѣ произведенія древняго и стариннаго письма, важный по своему значенію для всякаго, занимающагося изученіемъ языка и литературы и всего Славянскаго православнаго міра, имѣющій научное значеніе не только въ Русской и Славянской литературѣ, но и въ европейской. Пять томовъ этого труда вышли въ теченіе 1865—1862 г., 6-й томъ почти готовъ къ выходу въ свѣтъ.

Описаніе Славянскихъ рукописей Синодальной библіотеки, замѣчательное по своему значенію и богатому собранію литературныхъ сокровищъ, задумано было еще въ 40-выхъ годахъ Митрополитомъ Московскимъ, нынѣ почившимъ, Филаретомъ, и утверждено Св. Синодомъ въ 1849 году. Дѣло это поручено было профессору, нынѣ Ректору Московской Духовной Академіи А. В. Горскому и профессору Симбирской Семинаріи К. И. Невоструеву, вызванному для этого въ Москву, и въ продолженіе 17 лѣтъ доведено уже ими болѣе чѣмъ до половины. Это не простое описаніе рукописей, но ученая разработка ихъ и разборъ памятниковъ въ палеографическомъ, филологическомъ, литературномъ, историческомъ и юридическомъ отношеніи, вполне удовлетворяющемъ критическимъ требованіямъ науки. Исслѣдователи имѣли въ виду обратить особенное вниманіе не только на содержаніе памятниковъ, но и на самый языкъ. Ученыя изысканія ихъ относительно церкви преимущественно касаются разясненія исторіи церкви, ея литературы и древностей. Въ каждой рукописи они отмѣчали характеръ библіографическій, палеографическій и правописаніе,—послѣднее въ особенности важно для исторіи языка. При разборѣ переводовъ, что въ особенности также важно, они обращали вниманіе на правильность передачи подлинника, для этого они отыскивали источникъ, которымъ пользовался переводчикъ, а если чего не находили—обращались къ грече-

скимъ рукописямъ. Такими строгими критическими взглядами руководствовались наши изслѣдователи, какими у насъ, кромѣ Востокова, и на западѣ ученые не пользовались. Относительно правильности перевода Св. Писанія, изслѣдователи наши домогались дознать то собраніе библейскихъ книгъ на Славянскомъ языкѣ, какое мы имѣли до первыхъ печатныхъ книгъ; сличали разные списки между собою, сличали переводъ съ подлинникомъ, что и привело ихъ къ разъясненію того, какія книги древнѣе и съ какого именно переведены языка. Такъ почти разсмотрѣны и Творенія Св. Отцовъ, и, между прочимъ, открыты такія творенія Отцевъ церкви, которыя доселѣ не были извѣстны, напр. Мееодія Патарскаго, открыта новая редація передѣлки сочиненія духовнаго содержанія стоика Епиктета и другихъ. Критически пересмотрѣны памятники Богослужебныхъ книгъ, на что у насъ всего менѣе обращалось вниманіе, — словомъ, изъ изданныхъ уже этихъ трудовъ открываются богатые свѣдѣнія для всѣхъ ученыхъ.

Кромѣ того, вездѣ въ своихъ работахъ они обращали вниманіе и на грамматическія особенности языка и на его лексикологическую сторону; съ этою цѣлію ими собрано множество данныхъ для опредѣленія свойствъ языка въ первый періодъ его литературнаго развитія и для уясненія его видоизмѣненій въ разныхъ мѣстностяхъ и въ разное время. Въ отношеніи лексикологическомъ они приготовили огромный сборникъ объясненныхъ словъ, что составитъ въ послѣдствіи богатый и интересный словарь Древне-Славянскаго языка.

Подобными трудами, говоритъ академикъ Срезневскій, не богата ни одна изъ европейскихъ литературъ.

— Спѣшимъ извѣстить нашихъ читателей, что въ настоящее время, въ Воронежѣ, печатается подъ нашей редакціей «Полное собраніе сочиненій Никитина,» которыхъ давно уже нѣтъ въ продажѣ. Къ собранію сочиненій приложенъ будетъ портретъ Никитана и войдетъ

сюда подробная и обширная біографія его, написанная г. Де-Пуле, любопытная во многих отношеніяхъ. Жизнь Никитина, дѣйствительно, представляетъ, какъ говоритъ его біографъ, замѣчательное явленіе, и не можетъ не привлечь къ себѣ теплой симпатіи нашей, какъ и самыя его поэтическія произведенія. Отрывокъ изъ этой біографіи мы, можетъ быть, представимъ нашимъ читателямъ въ видѣ особаго приложения къ Ф. З. Теперь же, предварительно сообщимъ пока то, что содержится въ предисловіи къ сочиненіямъ Никитина. Вотъ что говорится тамъ:

«Въ настоящее изданіе сочиненій Никитина вошли всѣ его произведенія, какъ напечатанныя при жизни и послѣ смерти поэта, такъ и случайнымъ образомъ уцѣлѣвшія. Никитинъ писалъ стихи быстро и почти безъ поправокъ, которыя уже дѣлались, по написаніи стихотворенія, при второмъ его прочтеніи. Но написаннымъ онъ былъ рѣдко доволенъ и, по обыкновенію, или рвалъ его тотчасъ же, или откладывалъ на нѣкоторое время. Случалось, что въ одинъ присѣсть, безъ промежутка, или съ самымъ небольшимъ антрактомъ, онъ писалъ по два и даже по три стихотворенія, въ которыхъ однако встрѣчалось что-нибудь общее, хотя мысль, конечно, была не одна и та же. Но почти все такимъ образомъ написанное и сохраненное, при пересмотрѣ бумагъ, что не рѣдко дѣлалъ Никитинъ, безпощадно имъ истреблялось. Многія изъ его стихотвореній спаслись отъ истребленія, благодаря заступничеству его друзей, которые вырывали и уносили у него тѣ клочки бумагъ, *рецепты*, какъ они ихъ называли, на которыхъ онъ обыкновенно писалъ мелкія свои піесы.

«Никитинъ не имѣлъ привычки сохранять у себя даже стихотвореній напечатанныхъ: онъ также или рвалъ ихъ, или дарилъ на память своимъ друзьямъ, хотя и не совсѣмъ охотно. Вотъ причина, почему не сохранилось ни одно изъ его стихотвореній до 1849 года, и не было ничего найдено послѣ его смерти, даже и «Городскаго Головы», котораго было написано три пѣсни.

«Такъ какъ большая часть стихотвореній Никитина

подвергалась значительнымъ и часто неоднократнымъ перелѣлкамъ, то мы приняли за правило помѣщать въ текстѣ только послѣднюю редакцію, относя предыдущія въ примѣчанія. Не желая утомлять читателей, мы не приводимъ мелкихъ варіантовъ, очень часто встрѣчающихся въ стихотвореніяхъ Никитина, рукописныхъ и напечатанныхъ. Поэму «Кулакъ» мы печатаемъ въ двухъ редакціяхъ— въ первоначальной и по изданію 1858 года, значительно измѣненному. Необходимость разбить изданіе на два тома заставляеть насъ нѣсколько отступить отъ хронологическаго порядка. Въ первомъ томѣ мы печатаемъ: а) біографію Никитина, б) его стихотворенія, въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ, до 1857 года и с) первую редакцію «Кулака».—Во второй томъ входятъ: а) всѣ мелкія стихотворенія, написанныя въ 1857—61 годахъ, также въ хронологическомъ порядкѣ; затѣмъ слѣдуютъ большія піесы, помѣщенные тоже въ хронологическомъ порядкѣ: б) «Кулакъ» въ послѣдней редакціи, с) «Поѣздка на хуторъ», д) «Тарасъ» и е) «Дневникъ Семинариста».

О ЗНАЧЕНИИ ЯЗЫКА ДЛЯ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ ЧЕЛОВѢКА.

КРАТКОЕ ЧТЕНІЕ

АВГУСТА ШЛЕЙХЕРА.

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ.

Маленькую статейку, напечатанную на слѣдующихъ страницахъ, я читалъ въ Іенѣ въ небольшомъ частномъ кругу, въ домѣ семейства, съ которымъ мы въ дружбѣ. Я напечаталъ ее преимущественно потому, что старался въ ней опровергнуть возраженіе, сдѣланное нѣкоторыми противъ моей статейки «Теорія Дарвина въ примѣненіи къ Наукѣ о языкѣ» (Веймаръ 1863; переводъ русскій напечатанъ въ типографіи П. А. Кулиша, Спб. 1864). Противники мой утверждали, что нельзя считать языки реальными, матеріальными, естественными существами, какими я ихъ предполагалъ въ статейкѣ о Теоріи Дарвина, не приведя доказательствъ, подтверждающихъ это мнѣніе. Доказательства, что языки существуютъ матеріально, будутъ главнымъ предметомъ слѣдующихъ строкъ. Итакъ можно принять эту статейку за дополненіе къ прежней. Такъ какъ статейка о Теоріи Дарвина не у всякаго будетъ подъ рукою, то мнѣ нужно опять упомянуть здѣсь о нѣкоторыхъ пунктахъ, о которыхъ уже говорено тамъ.

Настоящую бездѣлку я самъ перевелъ на Русскій языкъ, правду сказать, для упражненія въ этомъ языкѣ, и помѣщаю этотъ переводъ, какъ дополненіе къ упомянутой уже статейкѣ о Теоріи Дарвина въ примѣненіи къ Наукѣ о языкѣ *), переведенной на Русскій языкъ безъ моего вѣдома и содѣйствія совершенно неизвѣстнымъ мнѣ переводчикомъ. За поправку моего перевода я обязанъ Константину Николаевичу Модзалевскому, слушающему теперь лекціи въ Іенскомъ университетѣ, который исправилъ и другія статейки, написанныя мною на Русскомъ языкѣ.

Іена, 8 Янв.
1868 г.

Редакція Филологическихъ Записокъ долгомъ считаетъ свидѣтельствовать свою искреннюю и глубокую благодарность почтенному Іенскому профессору, А. В. Шлейхеру, извѣстному нашему филологу и лингвисту, за присылку намъ этой интересной статьи для помѣщенія въ Филологическихъ Запискахъ и за посвященное его сочувствіе къ ея скромному изданію. Намъ пріятно было видѣть и то, что эта статья почтеннаго автора есть его же собственный переводъ, какъ свидѣтельство о его уваженіи и любви къ Русскому языку, съ какою онъ имъ занимается.

Что касается до значенія статьи, въ которой почтенный профессоръ поднималъ этотъ спорный вопросъ, то, не говоря о томъ, какъ важны для науки изслѣдованія подобныхъ вопросовъ и къ какимъ они могутъ привести результатамъ, скажемъ только, что мы никогда не дошли бы до истины, если бы оставляли въ сторонѣ темные или спорные вопросы. *Ред.*

*) Въ этой статейкѣ нужно прибавить стран. 6, стр. 6 снизу нѣмецкаго подлинника, а стран. 3, стр. 17 сверху русскаго перевода: само собою разумѣется, что здѣсь рѣчь идетъ только о такъ называемыхъ описательныхъ естественныхъ наукахъ. Отсюда нельзя сомнѣваться въ значеніи дороги апірической, математической, въ астрономіи и въ физикѣ.

О ЗНАЧЕНИИ ЯЗЫКА

ДЛЯ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ ЧЕЛОВѢКА.

Въ наше время не найдется ни одного испытателя природы, полагающаго, что дѣйствіе какихъ-нибудь органовъ, напр. пищеварительныхъ, желѣзокъ, мозга, мускуловъ и т. д. не зависитъ отъ качествъ самихъ этихъ органовъ, напр. походка различныхъ животныхъ, даже разная походка отдѣльныхъ индивидуумовъ ясно обуславливается разностью въ качествахъ частей тѣла, дѣйствующихъ при ходьбѣ. Дѣйствіе, отправленіе органовъ есть не что иное какъ, такъ сказать, способъ проявленія самаго органа, хотя изслѣдователю и не удастся во всѣхъ случаяхъ открыть посредствомъ ножа и микроскопа матеріальную причину каждаго проявленія. Языкъ точно также, какъ напр. и походка, есть не что иное какъ дѣйствіе извѣстныхъ частей тѣла и органовъ. Языкъ есть воспринимаемый ухомъ симптомъ дѣйствія многосложныхъ матеріальныхъ отношеній и качествъ въ мозгѣ и въ звуковыхъ органахъ съ ихъ нервами, костями, мускулами и т. д. ¹⁾ Правда, что анатоміи до сихъ поръ не удалось представить самыя матеріальныя причины языка, но никто, сколько я знаю, и не занимался сравнительнымъ изслѣдованіемъ звуковыхъ органовъ народовъ, говорящихъ на различныхъ языкахъ. Можетъ быть, даже вѣроятно, что такое изслѣдованіе не поведетъ къ удовлетворительнымъ результатамъ, однакожь все-таки мы отнюдь не должны отказываться отъ убѣжденія, что языкъ основывается на матеріальныхъ свойствахъ тѣла. Ибо никто не можетъ не признать существованія такихъ матеріальныхъ состояній, которыхъ еще нельзя ошутить непосредственно и которыя,

¹⁾ Эта мысль не нова; ее находимъ уже у Лор. Дифенбаха, *Vorschule der Völkerkunde*, Frankfurt am Main 1864, стр. 40 и сл. Ср. и слѣд. примѣч.

можетъ быть, и не будутъ никогда предметами прямого наблюденія. Нерѣдко очень чувствительно дѣйствіе самыхъ меньшихъ даже минимальныхъ количествъ и отношеній. Цвѣтныя спектры напр. являются вслѣдствіе несоизмѣримо, даже невообразимо мелкихъ частицъ матеріи; подобнымъ образомъ и цвѣтъ, и запахъ, и вкусъ растений нерѣдко обусловлены крайне малыми химическими отношеніями, и сперматозондка, оплодотворяя яичко, можетъ быть причиною и успѣха, и уничтоженія цѣлыхъ семействъ и родовъ. Можетъ быть, что разность въ языкахъ зависитъ отъ таковыхъ же мельчайшихъ различій въ качествѣ мозга и звуковыхъ органовъ ²⁾).

Какъ бы то ни было, пока матеріальныя причины языка намъ не извѣстны, мы должны принять въ соображеніе дѣйствія этихъ причинъ и поступать съ языкомъ подобнымъ же образомъ, какъ химики съ солнцемъ: они изслѣдуютъ свѣтъ солнца потому, что нельзя подвергнуть изслѣдованію источникъ этого свѣта.

Что у солнца свѣтъ—чтобъ продолжать наше сравненіе—тоже самое у языка звукъ; какъ такъ свѣтъ свидѣтельствуешь о качествѣ матеріальной причины этого свѣта, точно такъ и здѣсь звукъ. Матеріальныя отношенія, лежащія въ основѣ языка и слышимое дѣйствіе этихъ отношеній относятся другъ-къ-другу какъ причина и дѣйствіе, какъ вообще сущность и явленіе. Философъ сказалъ бы, что они тождественны. Поэтому мы въ правѣ считать языкъ за нѣчто матеріально существующее, хотя мы и не можемъ ни схватить его руками, ни видѣть глазами, но почти только воспринимать посредствомъ уха.

Этимъ объясненіемъ, по моему мнѣнію, я доказалъ, что я правъ, принимая, что языки существуютъ реально и матеріально.

Но если это такъ, то какъ можетъ человѣкъ изучать чужіе языки?

²⁾ Ср. *Θ. Гексли (Huxley), Zeugnisse für die Stellung des Menschen in der Natur, übersetzt von J. V. Carus; Braunschweig 1863, стр. 117, примѣч.*

На этотъ вопросъ я долженъ отвѣтить прежде, нежели я попытаюсь доказать, что языки, существуя реально, важны для естественной исторіи человѣка.

Если языкъ въ самомъ дѣлѣ есть не что иное какъ воспринимаемое ухомъ какое-то извѣстное качество мозга и звуковыхъ органовъ—или, лучше сказать, потому что причина и дѣйствіе тождественны—если языкъ есть не что иное какъ извѣстное качество упомянутыхъ частей человѣческаго тѣла, то какъ можно человѣку научиться одному, даже нѣсколькимъ языкамъ кромѣ своего природнаго языка? На это противорѣчіе я могъ бы отвѣтить коротко, продолжая сравненіе, употребленное мною въ началѣ этой статьи, сказавъ, что человѣку можно научиться ходить на четверенькахъ, даже на однихъ рукахъ, а между тѣмъ, не смотря на это, никто не сомнѣвается, что природная наша походка обусловлена устройствомъ нашего тѣла и что наша походка есть только проявленіе этого качества. Однако-жъ рассмотримъ поближе это противорѣчіе, выведенное изъ того обстоятельства, что чужія языки изучаются.

Прежде всего спрашивается: возможно ли вообще научиться чужому языку совершенно? Я въ этомъ сомнѣваюсь: по моему мнѣнію, человѣкъ только тогда научается совершенно чужому языку, если онъ смолоду промѣняетъ свой природный языкъ на другой. Но черезъ это онъ становится другимъ человѣкомъ; мозгъ и звуковые органы у него образуются въ другомъ направленіи. Не говорите мнѣ, что Н. Н. говоритъ и пишетъ съ одинаковою ловкостью и легкостью на языкахъ Русскомъ, Нѣмецкомъ, Французскомъ и т. д. Во-первыхъ, этотъ фактъ я отрицаю. Но предположимъ, что это дѣйствительно возможно, предположимъ что одинъ и тотъ же человѣкъ въ одно и то же время можетъ быть Русскимъ, Нѣмцемъ, Французомъ и т. д., то даже и тогда нужно принять въ соображеніе, что всѣ Индогерманскіе языки принадлежатъ къ одному и тому же племени и что, слѣдовательно, съ общей точки зрѣнія, они могутъ быть разсматриваемы какъ виды одного и того же языка. Но теперь покажите мнѣ человѣка говорящаго и думающаго съ совершенно одина-

ковою легкостью по-нѣмецки и по-китайски, или по-ново-зеландски и по-черокезски, или по-арабски и по-готтентотски, или на какихъ-либо другихъ до самаго внутреннѣйшаго основанія различныхъ языкахъ. Я не вѣрю, чтобы такой человѣкъ могъ быть. Часто даже невозможно выговаривать звуки свойственные другимъ языкамъ, или даже невозможно точно и вѣрно вслушаться въ нихъ. Одинаково трудно будетъ найти какъ человѣка, говорящаго вполне хорошо на нѣсколькихъ языкахъ, такъ и ходящаго съ одинаковою ловкостью и на двухъ ногахъ, и на четверенькахъ. Наши органы, конечно, до извѣстной степени, такъ сказать, растяжимы, т. е. они въ состояніи дѣйствовать также и образомъ отъ природы имъ не свойственнымъ; но, не смотря на то, одно какое-либо извѣстное дѣйствіе во всякомъ случаѣ бываетъ дѣйствіемъ ихъ непринужденнымъ, природнымъ.

То же самое бываетъ и съ тѣми органами, результатомъ дѣйствія которыхъ является языкъ. Итакъ нельзя найти противорѣчія противъ утвержденія, что матеріальная основа языка состоитъ изъ сложенія мозга и звуковыхъ органовъ въ силу того обстоятельства, что можно намъ научиться чужимъ языкамъ.

Если мы правы въ томъ, что языкъ есть что-то существующее матеріально, то значеніе языка для отличія человѣка отъ животныхъ человѣкоподобныхъ не мало увеличивается. Именно, кромѣ языка, какъ доказалъ Гексли въ своихъ извѣстныхъ изслѣдованіяхъ³⁾, нѣтъ различія между человѣкомъ и такъ называемыми антропоидами (животными человѣкоподобными). Гексли не нашелъ анатомическихъ различій между человѣкомъ и человѣкоподобными животными (гориллой *), шимпанзе, орангъ-утангомъ); языкъ,

³⁾ Huxley, Zeugnisse für die Stellung des Menschen in der Natur (ср. примѣч. къ стр. 2), стр. 127.

*) По этому іенскій профессоръ Гекель (Häckel) въ своей книгѣ *Generelle Morphologie der Organismen* и т. д. (томъ II, стр. CL и CLIV сл., ср. таблицу VIII) считаетъ человѣка въ числѣ обезьянъ. Напротивъ того, другой изъ моихъ ученыхъ знакомыхъ, возвратившись изъ путешествія, въ которомъ онъ видѣлъ гориллу, отвѣтилъ на мой вопросъ—каково это животное: «я желалъ бы знать, что это былъ за дуракъ, который первый ска-

т. е. выраженіе мыслей посредствомъ словъ, является какъ единственный исключительный признакъ человѣка—по нашему и этотъ признакъ долженъ основываться на анатомическомъ сложеніи мозга и звуковыхъ органовъ. У животныхъ нѣтъ языка, а только звуковыя ужимки (*Lautgebärden*), которыя, кромѣ языка, находятся и у человѣка (рыданіе, крикъ, дѣйствительныя междометія). Эти звуковыя ужимки, которыми выражаются непосредственно чувство и желаніе, есть и у животныхъ; у нихъ перѣдко звуковыя ужимки гораздо болѣе развиты, нежели у человѣка, у котораго сохранились только остатки ихъ, продолжающіе существовать рядомъ съ языкомъ. Посредствомъ этихъ звуковыхъ ужимокъ животныя могутъ сообщать другъ-другу чувства точно такъ, какъ и посредствомъ другихъ ужимокъ. Выраженіемъ чувствъ конечно можно возбудить мысли у другихъ и поэтому-то говорятъ о «языкѣ животныхъ.» Но ни у одного животнаго нѣтъ способности выражать мысли непосредственно звуками. И только это непосредственное выраженіе мыслей звуками разумѣется подъ словомъ «языкъ.» Языкъ есть исключительное свойство человѣка. Это дознано и вообще до такой степени, что если обезьяна, животное даже очень различающееся отъ человѣка наружнымъ видомъ, имѣла бы языкъ, то тотчасъ считалась бы уже не животнымъ, а человѣкомъ.

Извѣстно, что у глухонѣмыхъ языкъ существуетъ *potentia* такъ, какъ у людей дѣйствительно говорящихъ; т. е. у глухонѣмыхъ мозгъ и звуковой органъ въ сущности созданы также, какъ и у людей, у которыхъ органъ слуха цѣлъ и здоровъ. Если бы это было иначе, то глухонѣмые не могли бы учиться писать и говорить. Напротивъ того, нельзя считать настоящими людьми индивидуумовъ въ самомъ дѣлѣ безсловесныхъ, идіотовъ, микроцефаловъ, потому что у нихъ недостаетъ не только языка, но и способности къ языку.

заявъ, что горилла—обезьяна; горилла—человѣкъ». Оба забыли о языкѣ; это различіе между человѣкомъ и животными, конечно, тоньше грубыхъ анатомическихъ различій, но важнѣе всѣхъ.

Но если языкъ есть человѣческое достоинство по преимуществу, то отсюда не далеко до слѣдующей мысли: нельзя ли воспользоваться языкомъ какъ основаніемъ для научнаго систематическаго раздѣленія и распредѣленія человѣчества? Не найдемъ ли мы въ языкѣ основы для естественной системы *generis homo*?

Какъ непостоянны образованіе черепа и другія такъ называемыя расовыя различія! Языкъ напротивъ того служить всегда признакомъ вполнѣ постояннымъ. Нѣмецъ, пожалуй, можетъ случайно имѣть волосы и выпуклость челюстей негра, но никогда самъ собою не будетъ говорить на какомъ-нибудь изъ Негрскихъ языковъ. Какъ мало существенны для человѣка такъ называемыя расовыя различія, видно изъ наблюденія, что люди, принадлежащіе къ одному и тому же племени языковъ, могутъ имѣть разныя расовыя особенности. Такъ, напр. осѣдлый Турокъ-Османли принадлежитъ къ Кавказской расѣ, между тѣмъ какъ другія, такъ называемыя татарско-турецкія племена, носятъ типъ Монгольской расы. Съ другой стороны Мадыаръ и Баскъ, напр. не существенно различны отъ Индогерманца строеніемъ тѣла, тогда какъ по языку Мадыаръ, Баскъ и Индогерманецъ далеко расходятся между собою. Не взирая на эту непостоянность, такъ называемыя расовыя различія могутъ быть также только съ трудомъ подведены подъ научную естественную систему. Языки же, напротивъ того, относительно легко укладываются подобно другимъ живымъ существамъ въ естественную систему, особенно своею морфологическою стороною. Здѣсь было бы не у мѣста разсматривать это ближе. Итакъ, по нашему воззрѣнію, внѣшне-видимая форма черепа, строеніе лица и тѣла вообще для человѣка менѣе существенно, нежели то не меньше матеріальное, но безконечно тончайшее качество, симптомомъ котораго является языкъ. Естественная система языковъ, по моему убѣжденію, есть въ то же время и естественная система человѣчества; съ языкомъ же неразрывно связана вся высшая жизненная дѣятельность человѣка, такъ что вмѣстѣ съ языкомъ принимается во вниманіе и эта сторона людей.

Но само собою разумѣется, что мы отнюдь не отрицаемъ возможности, что форма мозга и обусловленный мозгомъ видъ черепа важны и для языка. Намъ и на мысль не приходитъ сомнѣваться въ высокомъ значеніи точнаго изслѣдованія тѣлесныхъ различій человѣка; намъ только кажется, что не слѣдуетъ пользоваться этими внѣшне-тѣлесными различіями, какъ основаніемъ для научнаго распредѣленія нынѣ живущаго человѣчества. Животныхъ, пожалуй, распредѣляй по ихъ морфологическому виду; но для человѣка внѣшній видъ намъ кажется, такъ сказать, уже отжившимъ моментомъ, болѣе или менѣе незначительнымъ для настоящей, истинной сущности человѣка. Для классификаціи человѣка, по нашему мнѣнію, нужны тончайшіе, высшіе признаки, исключительно свойственные человеку. Эти признаки мы находимъ, какъ уже сказано, въ языкѣ. Но языкъ кажется намъ важнымъ не только для построенія естественно-научной системы человѣчества, какъ оно нынѣ является наблюденію, но и для исторіи развитія человѣка.

Мы разъяснили, что языкъ — признакъ человѣка какъ человѣка и что, слѣдовательно, разные оттѣнки языка суть характеристическіе признаки разныхъ оттѣнковъ человѣка (я нарочно избѣгаю выраженія «родъ» или «видъ» и т. п.; свѣдущій въ этихъ предметахъ узнаетъ почему). Далѣе, языкъ ясно является научнымъ изслѣдованіемъ какъ нѣчто развившееся мало-по-малу, какъ нѣчто прежде не существовавшее. Сравнительная анатомія языковъ доказываетъ, что сложный организмъ высшихъ языковъ образовался постепенно, вѣроятно, въ теченіе очень долгихъ промежутковъ, изъ языковъ проще организованныхъ. Лингвистика не находитъ ни малѣйшаго противорѣчія принять, что простѣйшіе по своему строенію языки произошли постепенно изъ звуковыхъ ужимокъ и звукоподражаній, которыми обладаютъ уже животныя. Подробное доказательство этого здѣсь не у мѣста и повело бы насъ очень далеко. Кромѣ того я полагаю, что именно теперешнее естествознаніе не откажется принять это предположеніе языкознанія.

Я полагаю, что могу избавить себя от опроверженія мнѣній, что языкъ есть или изобрѣтеніе отдѣльнаго человѣка, или сообщенъ ему извнѣ. Такъ какъ языкъ въ короткій промежутокъ исторической жизни людей находится въ непрерывномъ измѣненіи, то, стало-быть, онъ является намъ продуктомъ постепеннаго развитія по опредѣленнымъ законамъ жизни, существенныя черты которыхъ мы доказать въ состояніи. Если языкъ обусловливается матеріальнымъ строеніемъ тѣла человѣческаго, то слѣдуетъ допустить, что языкъ произошелъ и образовался мало-помалу вмѣстѣ съ развитіемъ мозга и звуковыхъ органовъ; языкъ есть не что иное какъ симптомъ этого развитія.

Но если только языкъ дѣлаетъ человѣка человѣкомъ, то, стало-быть, наши праотцы сначала не были тѣмъ, что мы теперь называемъ «человѣкъ;» людьми они сдѣлались только вмѣстѣ съ образованіемъ языка, а образованіе языка для насъ значитъ не что иное, какъ развитіе мозга и звуковыхъ органовъ. Итакъ результаты лингвистики ведутъ къ предположенію, что человѣкъ мало-помалу развивался изъ низшихъ формъ. Извѣстно, что къ тому же предположенію пришла и естественная наука нашихъ дней, хотя и совершенно съ другой стороны. По этому самому языкъ имѣетъ уже нѣкоторое значеніе для естественной науки и именно для исторіи развитія человѣка.

Но изслѣдованіе и разборъ языка намъ представляютъ основанія для выводовъ и заключеній, ведущихъ къ точнѣйшимъ, подробнѣйшимъ взглядамъ о первобытномъ періодѣ нашего племени.

Самая старшая форма языковъ была повсюду въ сущности одна и таже. Въ этомъ насъ убѣждаютъ и тѣ языки, которые можно разбирать до ихъ простыхъ, несложныхъ стихій, и тѣ, которые остались на первобытной степени развитія.

Самыя древнія стихіи, изъ которыхъ состояли первоначальные языки, суть звуки, означавшія представленія и понятія; эти звуки мы привыкли называть «корнями.» На этой первоначальной степени еще нѣтъ выраженій для от-

ношеній, т. е. части рѣчи еще не различались; глаголовъ, именъ, склоненій и спряженій и т. д. еще не было. Все это является чѣмъ-то позже происшедшимъ, до чего многіе языки вообще не доразвились и чѣмъ въ различныхъ языкахъ достигло большей или меньшей степени совершенства. Такъ, напр. въ Китайскомъ языкѣ до сихъ поръ еще нѣтъ звуковаго различія между частями рѣчи, а глаголы, въ собственномъ смыслѣ, въ противоположность къ именамъ, нашелъ я только въ Индогерманскомъ языкѣ, разсматрѣвши всѣ языки, сколько мнѣ ихъ извѣстно ⁵⁾). Морфологически же, но только морфологически, всѣ языки по нашимъ изслѣдованіямъ были первоначально существенно сходны. Напротивъ того, мы должны предположить, что уже эти первые элементы, сходные по формѣ, были различны какъ въ звукахъ, такъ и въ тѣхъ понятіяхъ и представленіяхъ, которыя выражались звуками и далѣе въ ихъ способности къ развитію, ибо положительно невозможно вывести всѣ языки изъ одного и того же праязыка. Напротивъ того, для науки безъ предположеній существуетъ столько же праязыковъ, сколько и распознаваемыхъ племенъ. Но съ теченіемъ времени языки безпрестанно вымираютъ, а новые не образуются; языки образовались только въ томъ періодѣ, когда человѣкъ сдѣлался человѣкомъ. Очень вѣроятно, что въ теченіе долговременныхъ періодовъ, предшествующихъ собственно такъ называемой исторіи, погибло безчисленное множество языковъ, между тѣмъ какъ другіе распространились далеко за предѣлы своей первоначальной области, при чемъ они дифференцировались въ разнообразныя формы. Поэтому слѣдуетъ предполагать неисчислимое множество первоначальныхъ языковъ.

Позднѣйшую жизнь языковъ можно наблюдать отчасти непосредственно. Тѣ же самые законы, которые мы дѣйствительно можемъ наблюдать въ жизни языковъ, можно принять за существенно дѣйствовавшіе также и для тѣхъ періодовъ, которые ускользаютъ отъ нашего непосредствен-

⁵⁾ Cp. Die Unterscheidung von Nomen und Verbum in der lautlichen Form. Abhandl. der phil.-hist. Cl. der Königl. Sächs. Gesellsch. der Wissensch., Bd. IV, Leipzig 1863.

наго наблюденія; слѣдовательно, они могутъ быть приняты и при происхожденіи языка: происхожденіе же языка есть не что иное какъ первоначальная его жизнь. Такъ какъ мы наблюдаемъ, что у живущихъ подъ одинаковыми условіями людей, въ позднѣйшій періодъ жизни языковъ, языкъ измѣняется однообразно, а именно у всѣхъ говорящихъ индивидуумовъ самообусловливаемымъ (спонтанъ) и согласнымъ образомъ, то мы должны также заключить, что у живущихъ подъ одинаковыми условіями, слѣдовательно, вблизи другъ-друга существъ тотъ же языкъ долженъ былъ развиваться и у всѣхъ индивидуумовъ. Чѣмъ различнѣе были внѣшнія условія, подъ которыми человѣкъ развился до человѣка, тѣмъ различнѣе могли образоваться и языки.

Не смотря на то, что въ историческія времена и, конечно, также еще болѣе въ продолжительнѣе доисторическіе періоды первоначальныя отношенія были многократно нарушаемы переселеніями, войнами, естественными событіями и т. п., все-таки еще и теперь можно видѣть, что языки цѣлыхъ частей земли, при всемъ своемъ различіи, однако же являютъ въ характерѣ сходство подобно флорамъ и фаунамъ цѣлыхъ странъ земли. Это прежде всего относится къ туземнымъ языкамъ новаго свѣта, далѣе ко всѣмъ языкамъ міра южныхъ острововъ (къ Малайско-Полинезійскимъ языкамъ и къ языкамъ Австралійскихъ негровъ, на сколько они до сихъ поръ извѣстны). На этихъ пространныхъ областяхъ является замѣчательное единообразіе языковъ, хотя вслѣдствіе этого они все-таки не могутъ выводиться отъ одного и того же праязыка. Языки Азіиско-европейскіе особенно сильно перемѣшаны между собою (Азія и Европа и въ отношеніи языка могутъ быть принимаемы за одну часть свѣта), вѣроятно вслѣдствіе именно ранѣе пробудившейся здѣсь исторической жизни; но и здѣсь въ цѣлыхъ группахъ различныхъ языковъ можно еще узнать слѣды одного общаго типа ⁶⁾.

Поэтому кажется, что происхожденіе на землѣ формъ языковъ, т. е. развитіе органовъ, обусловливающихъ языкъ,

⁶⁾ Ср. Теорію Дарвина и т. д. стр. 24 нѣмецкаго подлинника.

зависѣло отъ извѣстныхъ опредѣленныхъ отношеній. Можно предполагать, что сходные языки произошли независимо другъ-отъ-друга въ областяхъ сосѣднихъ и существенно одинаковыхъ и что въ другихъ частяхъ земной поверхности развились типы языковъ другого рода.

Подобныя же умозаключенія, относящіяся къ древнимъ періодамъ человѣчества—умозаключенія, основанныя на наблюденіи языковъ, могли бы быть не бесполезными для нынѣшняго естествознанія, даже и для тѣхъ, которые не хотятъ признать того высокаго значенія, которое приписываемъ мы языку и его матеріальному основанію въ организмѣ человѣческаго тѣла.

Въ заключеніе этого очерка упомянемъ еще, что происхожденіе и развитіе языка предшествуетъ исторіи въ собственномъ и тѣсномъ смыслѣ этого слова. Такъ называемая исторія или историческая жизнь наполняетъ до сихъ поръ только незначительную частицу того пространства времени, которое прожилъ человѣкъ какъ человѣкъ. Въ теченіи исторіи мы видимъ, что всѣ безъ исключенія языки старѣютъ въ звукахъ и въ формахъ по извѣстнымъ законамъ. Языки, на которыхъ мы теперь говоримъ, суть уже устарѣлые экземпляры языковъ, какъ и всѣ языки народовъ, имѣвшихъ значительную исторію. Стало-быть, у народовъ, исторически развитыхъ, языки, а слѣдовательно и тѣлесные органы языка уже давно болѣе или менѣе истощаются. Образованіе и развитіе языка и историческая жизнь смѣняются въ теченіе жизни человѣчества.

Итакъ, можетъ быть, жизнь человѣчества, до сихъ поръ протекшая, распадается на три большихъ періода развитія; конечно, эти періоды перешли одинъ въ другой мало-по-малу и повсюду не въ одно и то же время. Эти періоды суть: 1) періодъ развитія тѣлеснаго организма въ его существенныхъ чертахъ (этотъ періодъ, вѣроятно, гораздо продолжительнѣйшій, нежели слѣдующій, и мы только для краткости принимаемъ его здѣсь за одно отдѣленіе); 2) періодъ развитія языка; 3) періодъ исторической жизни, въ началѣ котораго мы живемъ еще теперь и въ который,

какъ кажется, многіе народы, существующіе а землѣ, до сихъ поръ еще не вступили.

Такъ какъ мы видимъ, что извѣстные народы, и между ними преимущественно Индійскія племена сѣверной Америки уже по причинѣ ихъ языковъ, безпредѣльно многосложныхъ и запутанныхъ, въ формахъ, такъ сказать, расплотившихся, не способны къ исторической жизни и поэтому уже хилѣютъ, даже исчезаютъ, точно такъ мы съ вѣроятностью предполагаемъ, что не всѣ организмы, которые были на пути, чтобы образоваться въ человѣка, достигли этой цѣли, т. е. что не всѣ человѣкоподобные организмы развили свой языкъ; отчасти они отстали въ развитіи, не вступивъ въ нашъ второй періодъ, а подлежали обратному образованію (*Rückbildung*) и, какъ вообще такіе хиліаки, мало-по-малу исчезли и еще исчезаютъ. Какъ остатки этихъ существъ, оставшихся безъ языка, хилѣющихъ, не дожившихъ до человѣчества, намъ являются такъ называемые антропоиды (человѣкоподобныя обезьяны).

Какъ бы ни была коротка и на скорую руку написана эта наша статейка о значеніи языка для естественной исторіи человѣка, мы все-таки думаемъ, что въ ней доказано, что естественная наука, занимающаяся человѣкомъ, отнюдь не можетъ обойтись, не принимая въ уваженіе языкъ, единственный и характеристическій признакъ человѣчества, и стало-быть, и науку о языкѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1868 ГОДУ

ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННОГО ЖУРНАЛА „КАВКАЗСКОЕ ЭЖО.“

Предприимая изданіе новаго журнала, мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о нашемъ взглядѣ на это дѣло и о томъ, какъ мы намѣрены относиться къ нему.

Съ успѣхами общественной жизни, съ развитіемъ народнаго сознанія, потребность анализа, критики явленій физическаго и духовнаго міра усиливается, между прочимъ, въ такой же мѣрѣ растетъ и стремленіе всесторонняго обсужденія своихъ общественныхъ дѣлъ. Естественно поэтому, что число журналовъ и газетъ, какъ органовъ тѣхъ или другихъ мнѣній, должно возрастать въ той же соотвѣтственности. Но большая часть членовъ общества, по недосугу, по ограниченности средствъ и другимъ обстоятельствамъ, не имѣетъ возможности слѣдить не только за всѣми періодическими изданіями, но даже за главнѣйшими и важнѣйшими изъ нихъ. А потому для большинства, желающаго стать въ уровень съ движеніемъ идей и фактовъ современной жизни, необходимо такое изданіе, которое представляло бы отголосокъ важнѣйшихъ журналовъ; для этого слѣдило бы за періодической прессою, а также за новѣйшими сочиненіями по насущнѣйшимъ отдѣламъ наукъ и давало бы публикѣ сжатый, но полный отчетъ о развитіи и состояніи современной жизни.

Если такое періодическое изданіе необходимо вездѣ, при извѣстномъ уровнѣ образованія, то тѣмъ большая настоять въ немъ потребность для Кавказскаго края, гдѣ, вслѣдствіе извѣстныхъ каждому историческихъ обстоя-

тельствъ, еще очень недавно создались условія, необходимыя для успѣховъ цивилизаціи, — гдѣ при слабомъ развитіи промышленности, а по связи съ тѣмъ и экономическаго благосостоянія, потребность просвѣщенія еще не такъ окрѣпла, не такъ распространена въ массѣ, какъ въ другихъ частяхъ нашего отечества.

Намъ, можетъ быть, возразятъ на это: если для Кавказскаго общества необходимо подобное періодическое изданіе, то его легко получить въ одномъ изъ центровъ интеллектуальной жизни Россіи, — есть столько столичныхъ изданій, которыя цѣлью своей дѣятельности поставили себѣ ту же задачу. На это мы можемъ сказать, что подобное описанному періодическое изданіе — можетъ быть вполне полезно для общества нашего края только въ томъ случаѣ, когда оно издается въ самомъ краѣ, когда оно есть, такъ сказать, произведеніе самого Кавказскаго общества, когда оно является не какъ нѣчто случайное, прививное или навязанное обществу, а какъ нѣчто органически связанное съ самою жизнію общества. А для такой органической жизненности дѣла нужно соотвѣтственнымъ образомъ видоизмѣнить планъ изданія.

Желая удовлетворить мѣстнымъ потребностямъ края, это изданіе должно быть Кавказскимъ Эхо не только по названію, но и въ сущности, на самомъ дѣлѣ.

Такимъ образомъ „Кавказское Эхо“, для содѣйствія успѣхамъ цивилизаціи края, должно: 1) знакомить читателей съ *природою и людьми* Кавказа и Закавказья, особенно же съ людьми: съ бытомъ Кавказскихъ аборигеновъ и колонизаторовъ края, съ потребностями тѣхъ и другихъ, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ на пути и средства для поднятія уровня гражданскаго развитія населенія нашего края, и 2) сообщать заимствованныя изъ русской и иностранной прессы свѣдѣнія, но не всякія, а только тѣ, которыя могутъ имѣть практическое значеніе при данномъ развитіи края, т. е. могутъ служить ему полезнымъ урокомъ и указаніемъ для прогресса жизни въ промышленномъ, научномъ, нравственномъ, юридическомъ и другихъ отношеніяхъ.

Таковы цѣль, способы и средства предполагаемаго изданія.

Условіемъ достиженія этой задачи редакція „Кавказскаго Эхо“ ставитъ исполненіе слѣдующей программы:

I. ОТДѢЛЪ ОБЩІЙ. 1) Обзоръ внутренней жизни Россіи во всѣхъ ея отношеніяхъ, при чемъ на первомъ планѣ ставятся явленія, въ которыхъ выражается самодѣятельность общества. 2) Обзоръ общественной жизни другихъ цивилизованныхъ государствъ. 3) Обзоръ политической жизни иностранныхъ державъ. 4) Педагогическое обозрѣніе. 5) Научныя извѣстія. 6) Смѣсь. 7) Библиографическій обзоръ: перечень вновь выходящихъ въ Россіи произведеній печати и краткія рецензіи важнѣйшихъ русскихъ и переводныхъ книгъ и брошюръ. 8) Справочныя свѣдѣнія.

II. ОТДѢЛЪ МѢСТНЫЙ. 9) Статьи о важнѣйшихъ мѣстныхъ вопросахъ, касающихся дѣятельности и интересовъ общества. 10) Хроника общественной жизни Кавказа и Закавказья. 11) Повѣсти, рассказы и путевыя замѣтки, обрисовывающія Кавказское общество и природу. 12) Этнографическія, географическія и историческія изслѣдованія и описанія Закавказскаго края. 13) Корреспонденція изъ разныхъ мѣстъ Кавказа и Закавказья. 14) Частныя объявленія. 16) Судебная хроника.

Въ заключеніе замѣтимъ, что исполненіе такой, хотя скромной, но въ то же время широкой задачи станетъ возможнымъ для редакціи „Кавказскаго Эхо“ только при томъ условіи, что новое изданіе встрѣтитъ сочувствіе со стороны самого общества, т. е. когда интеллектуальныя силы нашего края не останутся непричастными къ организаціи этого дѣла, а признають его одной изъ общественныхъ аренъ для обнаруженія себя на пользу своихъ ближнихъ, и когда, съ другой стороны, необходимая доля общественныхъ средствъ и достатковъ будетъ удалена для поддержки матеріальнаго существованія новаго литературнаго органа.

Редакція же, съ своей стороны, по мѣрѣ силъ и разумѣнія, будетъ стремиться къ возможно-полному осуществленію взятой на себя общественной роли.

I. ИЗСЛѢДОВАНИЯ. 1.) Изложеніе и развитіе разныхъ вопросовъ, по Русскому языку и Словесности; 2) пробныя и другія лекціи, или отрывки изъ нихъ по Рус. яз. и Сл. Поэзіи, Исторіи Литературы; — будутъ помѣщаться даже цѣлые курсы, руководства или учебники.

II. ЗАМѢТКИ. Наблюденія надъ составомъ Рус. яз. и живымъ его употребленіемъ въ изустной рѣчи и въ литературѣ; — разныя мнѣнія, сужденія объ улучшеніи преподаванія; — разныя методы и программы; — указанія на разнорѣчія и излишества, на тотъ или другой недостатокъ въ руководствахъ и проч. и проч. — словомъ, это будетъ обмѣнъ мыслей между преподавателями.

III. СЛАВЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ. Изслѣдованія по Славянскимъ нарѣчіямъ (по языку и литературѣ), старинѣ и народности.

IV. КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ. 1) Критическіе разборы статей филологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ другихъ періодическихъ изданіяхъ; 2) библиографія учебныхъ руководствъ по Рус. яз. и Сл.; 3) разборы лучшихъ литературныхъ произведеній современныхъ нашихъ писателей относительно языка, съ указаніемъ содержанія и расположенія мыслей цѣлаго сочиненія или какой либо статьи, отличительныхъ особенностей, тонкостей, меткостей, силы выраженія и красотъ языка какъ въ словахъ, такъ и въ оборотахъ рѣчи; 4) библиографическій указатель книгъ и статей по Рус. яз. и Сл., отдѣльно вышедшихъ и помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

V. СМѢСЬ. Сюда войдутъ: 1) статьи касающіяся свойствъ разговорнаго языка, въ особенности народнаго, — (народная словесность, народные говоры; 2) разныя филологическія и лингвистическія извѣстія, краткія замѣтки о языкѣ, письма, запросы, отвѣты, поправки и т. п.

VI. ПРИЛОЖЕНІЯ. 1) Извлеченія изъ статей филологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, особенно чѣмъ либо замѣчательныхъ, или заимствование нѣкоторыхъ изъ нихъ; 2) переводы и извлеченія изъ произведеній извѣстнѣйшихъ филологовъ и эстетиковъ; 3) обзоръ вновь выходящихъ замѣчательныхъ произведеній иностранныхъ филологовъ и лингвистовъ съ краткими указаніями относительнаго достоинства ихъ, и 4) изслѣдованія по изученію общей сравнительной филологіи и лингвистики, старины и народности, классическихъ древностей, этнографія, сравнительной міеологіи и народной психологіи.

Филологическія Записки издаются

въ **ВОРОНЕЖѢ**.

Цѣна годовому изданію **6** руб.

Подписка принимается:

въ **ВОРОНЕЖѢ**: въ Редакціи Филологическихъ Записокъ, также въ книжныхъ магазинахъ—Никитина, Семенова и Кашиной;

въ **С.-ПЕТЕРБУРГѢ**: въ книжныхъ магазинахъ — И. И. Глазунова, Я. А. Исакова и М. О. Вольфа;

въ **МОСКВѢ**: въ книжныхъ магазинахъ—О. И. Салаева, А. И. Глазунова, И. Г. Соловьева и И. И. Кольчугина;

въ **ХАРЬКОВѢ**: въ книжномъ магазинѣ—А. П. Скалона;

въ **КАЗАНИ**: въ книжномъ магазинѣ А. А. Дубровина.

въ **ОДЕССѢ**: въ книжномъ магазинѣ Г. И. Бѣлаго.

Въ Редакціи имѣются слѣдующія изданія:

Годовое изданіе «**Филологическихъ Записокъ**» за 1862—1863 и 1864 годы. Цѣна за каждый годъ по **6** р. за 1865 г. **3** р., за 1866 г. **5** р., за 1867 г. **6** р.

Опытъ Элементарнаго Руководства при изученіи Русскаго языка практическимъ способомъ — **Элементарная Грамматика. КУРСЪ 1-й и 2-й.** К. Говорова. 1867 г. 5-е, исправленное изданіе. Цѣна за экземпляръ 50 коп. серебромъ.

3-й Курсъ Элементарной Грамматики — Синтаксисъ, К. Говорова. 1867. 4-е, исправленное изданіе. Цѣна 50 коп. Въсѣмъ по разстоянію.

Система Языковѣдѣнія, Гейзе. Часть I. Перев. съ нѣм. И. Желтова. 1864. Цѣна за экз. 2 руб. съ перес.

О Юморѣ въ сравненіи съ Сатирой, Н. Понова. 1864. Цѣна 30 к. за экз. съ пересылкою.

О происхожденіи языка, Э. Ренана. Перев. съ фр. А. Н. Чудинова. 1866. Цѣна съ перес. 1 р. сер.

Краткое Руководство въ изученію прозаическихъ сочиненій, М. О. де-Шуле. 1866 г. Цѣна 50 к. Въсѣмъ по разстоянію.

Обзоръ Исторіи Чешской Литературы и Языка. Съ Чешскаго. Переводъ К. Медвѣдева и Н. Артемьева. 1866. Цѣна 40 к. съ пересылкою.

Издатель и Редакторъ **А. Хованскій.**

Дозволено Ценсурой. Москва. 3 Апрѣля 1868 г.